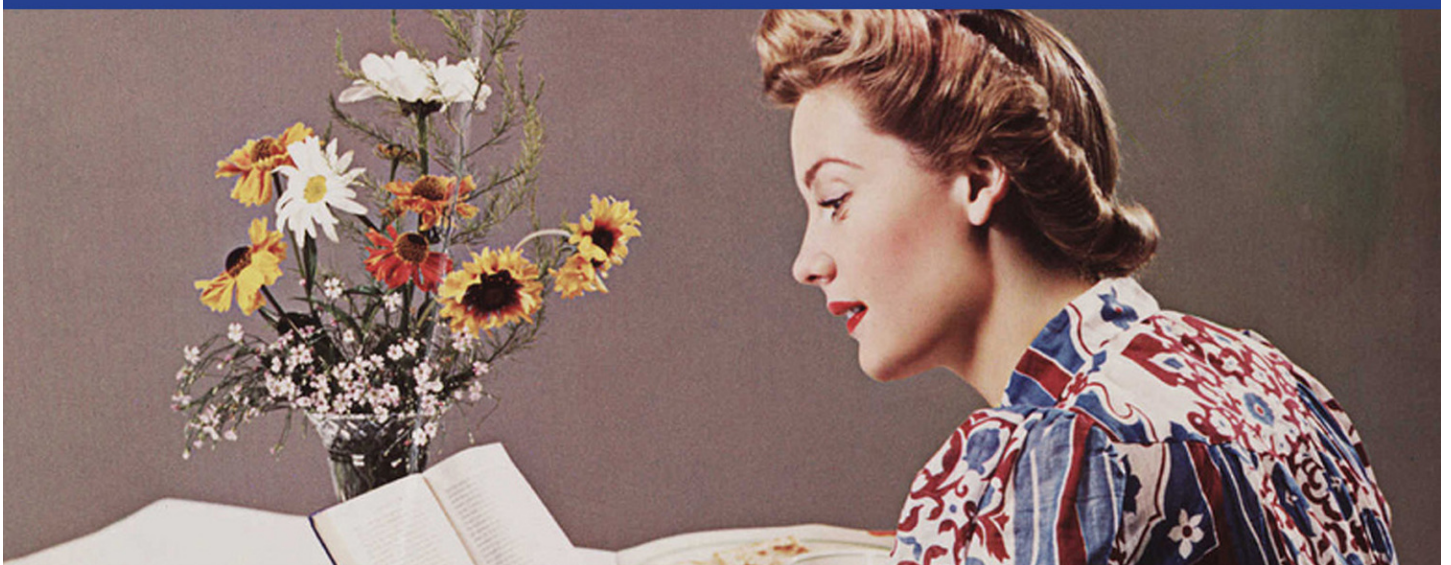

Галина Щербакова

Вам и не снилось

ФТМ

Галина Щербакова

Вам и не снилось

«ФТМ»

1977

Щербакова Г. Н.

Вам и не снилось / Г. Н. Щербакова — «ФТМ», 1977

История Ромео и Джульетты, снова вернувшихся в этот мир, история, принесшая известность автору и ставшая бестселлером. Между девятиклассниками Романом и Юлей возникает нежное чувство. Мать юноши, не желающая понять влюбленных, обманом разлучает их. Несмотря на все препятствия, Рома и Юля стремятся быть вместе. Нежелание взрослых понять их чувства в результате приводит к трагедии...

© Щербакова Г. Н., 1977

© ФТМ, 1977

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Галина Щербакова

Вам и не снилось

© Текст. Г. Н. Щербакова, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

* * *

I

Таня, Татьяна Николаевна Кольцова, уже восемь лет не была в театре. Билеты, которые возникали то стихийно, то планоно, она сразу же или в последнюю минуту отдавала. И успокаивалась.

А тут не спасешься – ее бывший театр пригласили на гастроли в Москву. Это – ого-го! – какое событие! Она знала: там, в театре, уже готовят представление к наградам и званиям, сшиты новые костюмы, актрисы срочно красят волосы в модный цвет.

Возбужденные, все в ожидании необыкновенных перемен, с блестящими глазами, бывшие подруги нашли ее в Москве и категорически заявили: не придет на премьеру – вовек не простят...

– У нас такая «Вестсайдская», что вам тут не снилось...

«Не спасись», – подумала Татьяна Николаевна.

Целый день она ходила сама не своя. Идти в театр, где началась и кончилась твоя карьера, идти, чтобы переживать именно это, независимо от того, что будет происходить на сцене, а потом говорить какие-то полагающиеся слова, и вместе сплетничать после спектакля, и отвечать на тысячу «почему»...

«Ведь школа нынче – ужас! У детей ничего святого! Неужели не было более подходящего варианта? Это что, жертва?»

Таня заранее знала все эти еще не произнесенные слова. Но дело было даже не в них. Ей действительно не хотелось идти в театр. Не хотелось смотреть эту потрясающую «Вестсайдскую», стоившую Таниной подруге Элле переломанного ребра: они там по замыслу режиссера все время откуда-то прыгали.

– Ничего, срослось, как на собаке, – сказала Элла. – Но я теперь не прыгаю. Я раскачиваюсь на канате.

И говорилось это так вдохновенно, и было столько веры в этот канат, и прыжки, и в «гени-аль-ного!!» режиссера, что Таня подумала: с тех пор как она стала учительницей, такая самозабвенная детская вера ее уже не посещает. Умирая, мама ей говорила: «Мир иллюзий тебя отторг. На мой взгляд, старой рационалистки, это не так уж плохо... Живи в жизни... А школа – это ее зерно. Всегда, всегда надежда, что вырастет что-то стоящее... Не страдай о театре. Ты бы все равно не смогла всю жизнь говорить чужие слова...»

Мама умирала два месяца, и таких разговоров между натисками боли было у них немало. И мама все их отдавала Тане. Ломились к ней ее коллеги по научной работе, ее аспиранты, соседи – не принимала. Объясняла Тане:

– Я тебя так мало видела. Это у меня последний шанс. Мое счастье было в работе. Это не фраза. Это на самом деле. Что такое модные тряпки, я не знаю. Я не знаю, что такое материнство, – с трех месяцев тебя растило государство. Я не путешествовала, не бывала на курортах, не обставляла квартир гарнитурами, я ни разу не была у косметички. Мне даже любопытно – это не больно? Все беременности были некстати – не сочетались с моим делом. Я даже не плакала, как полагается бабе, жене, когда разбился твой папа. У меня на носу тогда была защита докторской. Поверишь, в этом была какая-то чудовищно уродливая гордость: у меня несчастье, а я не сгибаюсь, я стою, я даже иду, я даже с блеском защищаюсь...

А Таня видела: она и сейчас гордится этим. В маме это было главное – преодоление всего, что мешало ей работать и ощущать себя большим, значительным человеком. И как ни тяжело было Тане, как ни любила она маму в эти последние дни, мысль, что и теперь своими иронично-афористичными речами мама прежде всего сохраняет себя, а уж потом хочет что-то разъяснить, приходила не раз. И тогда она мысленно спрашивала: может, именно в маме умерла артистка? А она ее так жалко, бездарно подвела, не сумела сделать то, что предназначалось

ей? И утешает мама сейчас себя, а не ее, неудачницу? Иначе зачем так настойчиво? С такой страстью?

– ...Какая ты Нина Заречная? У тебя же аналитический ум и ни грамма рефлексий. Ты антиактриса по сути.

Мама утешала и утешалась. Ведь тогда прошел всего год, как Таня ушла из театра. И последние слова мамы были: «Живи в жизни».

И все было нормально эти семь лет, пока не свалился на голову театр из прошлого со своей «Вестсайдской историей». И мама вспомнилась в связи с ним. Она же: «Не ходи в театр, плюнь! Пока не освободишься от комплекса. Читай! Это всегда наверняка интересней – первоисточник, не искаженный чужим глупым голосом».

Родилась спасительная мысль – раз уж идти, то она возьмет в театр свой класс. Правда, она его еще не знает, ей дадут новый, девятый. Но уже конец августа, списки утрясены, через ребят, которых она учила в восьмом, можно будет собрать человек десять. Убьет сразу двух зайцев. Посмотрит «на материал», с которым ей придется работать, и спасется от последующего после спектакля банкета, где надо будет всех безудержно хвалить, сулить звания и одновременно убеждать под сочувствующие и неверящие взгляды, что она вполне довольна работой в школе. Она скажет: «Я здесь с классом. Я с вами потом».

Таня пригласила в школу Сашку Рамазанова. Он пришел в грязных джинсах и рваной полосатой тенниске.

– Я думал, надо что-нибудь покрасить или подвигать, – сказал он. Театральная идея его не увлекла и насмешила. – Ну, Татьяна Николаевна! – картинно воскликнул он. – Пригласили бы на Таганку или в «Современник»... А какой нормальный человек пойдет смотреть приезжающую на показ периферию... Этот номер у вас не пройдет. Гарантирую...

– Не будь снобом, – сказала Таня. – У них молодой гениальный режиссер, и весь спектакль – сплошная новация. К тому же там хорошая музыка.

– Разве что... Ладно... Попробую. Может, от скуки народ и соберется.

– Напрягись, – сказала Таня. – Мне очень хочется пойти с вами.

Сашка посмотрел на нее пристально. Поведение учительницы было, на его взгляд, лишено логики: тащиться в театр, да еще в неокончившиеся каникулы, с классом? Больше не с кем? Но Татьяна Николаевна, хоть ей уже и за тридцать, женщина вполне. Сашка охотно пошел бы с ней сам, единолично. Он высокий, здоровый уже мужик, детвора во дворе зовет его «дяденькой». Так что вместе они бы гляделись... Но она, милая их Танечка, тащит с собой класс, что ненормально и противоестественно, хоть сдохни. Но просьба есть просьба, поэтому Сашка обещал обзвонить и обежать народ в ближайшем округе и человек десять подбить «на эксперимент».

– Но если будет дрянь, – сказал Сашка, – я не отвечаю. И буду просить у вас защиты от гнева народов. Побьют ведь!

Спектакль казался никаким. Что называется, не в коня корм. Может, новый режиссер и был талантливым, что-то он напридумывал, но актеры!.. Ни одного, ну просто ни одного нефальшивого слова. И от этого придуманная форма торчала обнаженным каркасом, то ли оставшимся от пожара, то ли брошенным строителями по причине нехватки материалов.

Танины ученики умирали со смеху. Их надо было просто убирать из зала за нетактичное поведение.

– А я предупреждал, – многозначительно сказал Сашка. – Я верил и знал: будет именно так.

Вообще он держался не как ученик, а как Танин приятель. Таня подумала: пожалуй-ста, проблема. Надо сразу ставить его на место. Хороший ведь мальчишечка, просто от роста дуреет... И посмотрела на его дружка Романа Лавочкина – еще выше. Господи, куда их тянет! Но с Романом ничего подобного не будет, он мальчик книжный. Вот и сейчас он:

– Татьяна Николаевна! А как проверить – не был ли Шекспир трепачом? Я к чему... Современное искусство о любви – такая брехня, что, если представить, что оно останется жить на пятьсот лет...

– Не останется, – сказал Сашка. – Не переживай.

– Теперь любовь только пополам с лесоповалом, выполнением норм, общественной работой...

– Сейчас ты смотрел любовь пополам с расизмом, – сказал Сашка. – Если тебя смущают только примеси в этом тонком деле, то их было навалом и у древнего человека. Чистой, отдельной от мира любви нет и не может быть.

– А я не люблю виногретов, – ответил Роман. – Вот почему меня волнует правда о Шекспире.

– Без примесей только секс, – с вызовом выложил Сашка и посмотрел на Таню: «Как вам моя смелость? Мой образ мыслей? Широта воззрения?»

Девчонки гневно, но заинтересованно завизжали:

– Скажите ему, Татьяна Николаевна! Скажите!

– Я согласна с Сашей, – сказала она. – Любовь всегда бывает в миру и среди людей. Это жизнь в жизни («Мама!» – печально вздрогнуло сердце).

– Понял? – Сашка хлопнул Романа по спине. – И будут тебе из-за любви вредные примеси в образе двоек, скандалов дома, а потом – что совершенно естественно – будет лесоповал...

– Видел я такую любовь в гробу и белых тапочках, – ответил Роман. – Любовь сама по себе целый мир. Должна быть такой, во всяком случае.

Расходились по-доброму. Уже дома Таня подумала: интересный парень Роман. А какие у нее девчонки? Она толком их и не увидела. Правда, против секса они завизжали дружно, что ни о чем еще не говорит. Это вполне может оказаться жеманством, а не целомудрием, лицемерием, а не добропорядочностью.

...А потом, в бессонницу, снова пришла к Тане мама. Она села в ногах в своем старом-престаром махровом халате и сказала своим сломленным болезнью голосом:

«...Я все думаю о любви, Таня! Это невероятно, сколько я о ней думаю. Мы поженились с папкой перед самой войной, и у нас была возможность поехать на пару недель к морю. Мы отказались. Папа из-за каких-то цеховых дел, я из-за ремонта в институте. Без меня, видите ли, не могли покрасить наличники. И сейчас я думаю о том, как я не ходила с папой босиком по пляжному песку, как он не растирал мне спину маслом для загара. Понятия не имею, было ли тогда такое? Как мы не целовались в море, в брызгах... Сплошное НЕ... Недавно у одной писательницы прочла абзац о поцелуях. Ей не нравится, как теперь целуются: откровенно, бесстыдно... А мне нравится... Я бы так хотела... Я буду думать о любви до самой смерти... Ах, черт, как не хочется умирать! Что за судьба у нас с отцом – он в тридцать семь, я в сорок семь... Какой-то злодей нас безбожно обокрал... Вся надежда на тебя, Танюша. Чтоб ты жила взахлеб за нас троих...»

Мама была всю жизнь поглощена делами института, делами лаборатории, и такая вот тоскующая о пляжном песке женщина становилась для Тани непонятной и даже чужой. Только на похоронах, среди венков и соболезнований, среди невероятно большой толпы вокруг такой маленькой, почти невесомой женщины, Таня вновь обрела ту маму, которую всегда знала, любила и побаивалась.

Почему же так получилось, что теперь – и чем дальше, тем чаще – в ногах ее садилась женщина в махровом халате, тоскующая о любви?

Таня знала ответ: мать приходит, потому что дочь не оправдала ее надежд. Она не живет взахлеб, за троих. В сущности, у нее, как и у мамы, в жизни есть только одно – работа.

* * *

Первое сентября полагается считать праздником. За годы работы в школе Татьяна Николаевна научилась понимать и ценить многое в школе, но первосентябрьское ликование ее всегда выводило из себя. Цветы, фотоаппараты, шефы с завода с тоскующими глазами, представители вышестоящих организаций, прячущие за приветливостью тайный инспекторский взор, сутолока, нервы, а в результате обязательно пустые уроки, потому что после всего на «отдать» и «получить» уже просто ни у кого не хватает сил.

И в этот раз она до последней минуты не выходила на школьный двор, наблюдала суету из окна. Увидела Сашку, без единой книжки, но с газетой. Он тряс ею над головой и собирал вокруг себя народ. «А! – подумала Таня. – У него рецензия на „Вестсайдскую историю“». Она ее прочла вчера.

В рецензии было все: «нервная ткань формы на аспидно-черном фоне...», «пластичное страдание» и «бьющая наотмашь символика». Были эпитеты – «незаурядный», «мыслящий», «ярко индивидуальный» и прочее. И сейчас, глядя, как Сашка читает ребятам рецензию «Гимн любви», она вдруг поняла: первое сентября она не воспринимает именно потому, что оно ей напоминает театр, день «сдачи спектакля». Там тоже ходят переполненные ответственностью инспектора от культуры и смущенные непривычностью положения шефы. Таня так обрадовалась, разобравшись наконец в своей первосентябрьской идиосинкразии, что тут же пошла во двор, туда, где громко читался «Гимн любви».

Те, кто ходил с ней в театр, бросились навстречу. Остальные смотрели со стороны. Таня почувствовала легкое недоумение от образовавшегося неравенства в отношениях. «Это ничего, – подумала она. – Утрясем».

– Оказывается, – сказал Сашка, – мы, Татьяна Николаевна, эстетически не развиты. Спектакль-то – штука! А мы смеялись, как лошади...

– Классический пример выдавания желаемого за действительное, – объяснял Роман. – Рецензент не дурак. Он написал о том, что могло бы быть, если бы из этого что-то вышло...

– Умники! – фыркнула Алена Старцева. Она хотела привлечь к себе внимание, потому что подстриглась и никто еще ничего не сказал по этому поводу. Алену Таня знала по восьмому классу.

– Тебе идет стрижка, – сказала она ей. И Алена вся засветилась.

К этой девочке было сложное отношение, но Таня с ней ладила. Сейчас ее волновало другое: новенькие. Те, что пришли из новостроек. Восемь лет в одной школе, девятый в другой. Это всегда сложно. И сейчас они в стороне. В театр не ходили, рецензию не читали, реплики Сашки и Романа до них не доходят... Сколько их таких? По списку десять. Десять и есть. А за их спинами, наверное, родители. Смотрят настороженно, готовы защищать своих хоть и больших, но все-таки детей. Вдруг не так встретят!

И тут истошно, театрально зазвенел звонок. Пока шли приветствия через мегафон, Таня разглядывала своих ребят. Ей полагалось уйти туда, на школьное крыльцо, и взирать на все с полагающейся высоты, но она осталась у ограды, ближе к новеньким, на лицах у которых от первых же речей появилось выражение умиротворенной скуки: в новой школе начинается, как в старой. Тоска...

Таня уже привыкла к тому, что все дети теперь очень большие. Но этот ее класс был прямо-таки великанский. Юбочки из модной замши – директриса добила для старшеклассников «вольной одежды», пока не придумают что-нибудь посовременней, – так вот юбочки из модной замши трещали на туго обтянутых бедрах девчонок; пятки стыдливо свисали над тридцать девятым размером босоножек, колени, грудь, губы – все было откровенно и напоказ. И парни тоже ничего себе стропили. Все по метр восемьдесят-девять, но худы-ы-е! Ни одного

мальчишечьего румянца на класс, все как из голодного края. Таня однажды поинтересовалась у врача – отчего, мол? Та махнула рукой: «Все в порядке. Худые? Дольше будут жить. Бледные? Это пламенный привет от мерцающего телевизора. Девочки другие? Они уже сформировались. Ясно? И вообще: чего вы волнуетесь? Все равно в основе своей это поколение гипертоников, язвенников, сердечников. Других теперь не рожают. Не умеют. Потому что кто рожает? Гипертоники, язвенники, сердечники. . .» Их школьный врач – большая оптимистка. После разговора с ней ощущаешь радость обладания двумя (а не одной) ногами, умением откусывать и пережевывать, испытываешь благодарность к грудной клетке, что она крепкая, костяная.

В микрофон громко откашлялся шеф.

– Давай, пролетариат, давай, произнеси слово, – сказал Сашка.

Девятый захихикал. Таня подумала: директриса потом ей скажет: «Ваши, деточка, вели себя хуже всех, потому что – как они говорят? – им хотелось выпендриваться перед вами. Зря вы с ними стояли».

Она подошла к Сашке и встала рядом. Сашка приставил к своему рту кулак и потыкал им в зубы. Делай после этого замечания. А Роман вообще сидел на камне и перечитывал рецензию. С высоты своего роста заглядывала в газету Алена – от Романа она не отходила, делала вид, будто ей тоже интересно, что там написано. Типичная здоровячка, она была чем-то похожа на актрису Нонну Мордюкову периода «Молодой гвардии» и страшно этим гордилась.

Потом, вспоминая этот первый день, Таня была убеждена: Юльки среди новеньких не было. Ведь она даже их считала, по списку все сходилось, а Юльку она не разглядела.

Митинг закончился, и все пошли по классам. Таня довела своих до двери, пожелала ни пуха ни пера, услышала от Сашки «к черту» и пошла на уроки. В девятом в этот день у нее часов не было. И слава богу, пустые, ох, пустые эти уроки первого сентября. А день выматывающий. . .

Таня медленно брела домой и думала: вот и еще один год начался. Надо будет знакомиться с родителями, надо будет забрать из химчистки свой темно-синий костюм, скоро станет прохладно, и он ее снова надолго выручит. Надо будет поговорить с Эллой. Сказать: пусть не очень страдает, если уедет режиссер. Ребра будут целее. И вообще пусть выходит замуж за своего автомеханика. Не принцесса! Правда, подруга спросит: «А сама? Живешь в Москве в изолированной двухкомнатной квартире, да только свистни. . .» Таня знала, что все в конце концов кончится разговором о квартире и замужестве, поэтому-то и избегала подругу. Элла напоминала маму. Та тоже, за два года до смерти, получив наконец изолированную квартиру, все не могла прийти в себя от свалившейся на нее роскоши. Маму потрясали квадратные метры и возможность закрыть дверь в своей комнате; санузел, куда можно было войти в любой момент и где пахло дезодорантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.